

ВАШИНГТОН ИРВИНГ

ИСТОРИЯ НЬЮ-ЙОРКА

КНИГА 6

ДИДРИХ НИКЕРБОКЕР

ПОБЕДЫ ПИТЕРА ТВЕРДОГОЛОВОВОГО НА ДЕЛАВЭРЕ

Вашингтон Ирвинг

История Нью-Йорка. Книга 6

<https://litres.ru/74460929>

SelfPub; 2026

Аннотация

Шестая книга «Истории Нью-Йорка» — самая воинственная. Питер Стёйвесант, прозванный Твердоголовым, отправляется в поход на Делавэр, чтобы отбить форт Казимир, захваченный хитроумным шведом Ризингом. Но сначала его ждёт комариная война, изгнавшая шведов из крепости Хельсенбург. Весть о предательстве приносит бродяга Виселичный Дирк. Собрав пёстрое воинство на Боулинг-Грин, Питер осаждает форт Христина. В решающей битве исход решает не меч, а каменная баклажка, запущенная в голову исполинского Ризинга. Триумфальное возвращение, пир в ратуше и новое имя — Питер Великий. Ирвинг с обычной иронией описывает воинскую славу и комическую изнанку побед.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Вашингтон Ирвинг

История Нью-Йорка. Книга 6

Глава

ДИДРИХ НИКЕРБОКЕР

Книга шестая

ИСТОРИЯ НЬЮ-ЙОРКА

Вашингтон Ирвинг

Перевод с адаптацией для современного читателя

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Дорогой читатель!

Шестая книга «Истории Нью-Йорка» — самая воинственная во всей серии. Если предыдущая часть знакомила нас с Питером Стёйвесантом как правителем — суровым, упрямым и решительным, — то теперь нам предстоит увидеть его в роли полководца.

Начинается всё с комической ноты: на далёком Делавэре разгорается самая нелепая война в истории — комариная. Огромная туча насекомых, привлечённая, вероятно, запахом свежей крови шведских обжор, изгоняет из крепости Хельсенбург целый гарнизон. Губернатор Ян Принц, весивший четыреста фунтов, бежит из страны, спасаясь от комаров. Такова, оказывается, бывает воинская слава!

Но дальше события принимают куда более серьёзный оборот. Хитроумный швед Ян Ризинг захватывает голландский форт Казимир самым коварным способом: напоив гарнизон до полного бесчувствия. Весть об этом в Новый Амстердам приносит бродяга по прозвищу Виселичный Дирк — человек без роду и племени, но с двумя украденными трофеями под мышкой.

И тут наш герой пробуждается. Питер Твердоголовый надевает боевое облачение, берёт в руки заржавевший меч и

отправляется в поход. Его ждут плавание по Гудзону, сбор пёстрого воинства на Боулинг-Грин, осада форта Христина и — наконец — великая битва, где решающую роль сыграет не меч, а каменная баклажка, запущенная в голову исполинского Ризинга. Не смейтесь — это чистая правда!

Вы увидите, как Питер становится Питером Великим, а Новый Амстердам чествует своего героя. И всё это — с неизменной иронией Ирвинга, который умеет посмеяться над воинской славой и при этом искренне восхищаться своим героем.

Н. Г.

КНИГА ШЕСТАЯ

Содержащая вторую часть царствования Питера Твердоголового и его доблестные свершения на Делавэре

ГЛАВА I

КНИГА VI

ГЛАВА I

Пробуждение воина:
Питер надевает доспехи.

Доселе, достопочтенный и учтивый читатель, я показывал тебе правление доблестного Стёйвесанта под кротким лунным светом мира, или, вернее, под мрачным затишьем грозного ожидания; но теперь издалека уже гремит военный барабан, медная труба выводит свою пронзительную ноту, и грубый лязг враждебного оружия изрекает страшные пророчества грядущих бедствий. Доблестный воин пробуждается от мягкого покоя, от золотых видений и сладострастной неги, где в усладительное «мирное время» он искал сладкого утешения после всех своих трудов. Уже не возлежит он в сиреньей неге красоты, плетя прекрасные венки для чела своей дамы; уже не увивает цветами свой блистающий меч, не изливает весь долгий ленивый летний день влюблённую душу в мадригалах. Пробудившись к мужеству, он презирует томную свирель, скидывает с могучих плеч мирную мантию и облакает изнеженные члены в стальные доспехи. Над его тёмным челом, где недавно веял мирт, где своенравные розы дышали расслабленной любовью, он теперь возносит сияющий шлем и кивающий султан; хватает светлый щит и потрясает тяжеловесным копьём; или с жадной гордостью взбирается на своего огненного скакуна, сгорая жаждой славных рыцарских подвигов.

Но тише, достойный читатель! Не подумай, будто в городе Новом Амстердаме вправду существовал столь чудовищно

закованный в железо *greux chevalier*. Таков лишь возвышенный и исполинский слог, коим мы, писатели героические, всегда говорим о войне, дабы придать ей благородный и внушительный облик, снаряжая наших воителей щитами, шлемами и копьями и подобным диковинным и устаревшим оружием, какого они, чего доброго, и в глаза не видавали, — точно так же, как хитроумный ваятель облачает нынешнего генерала или адмирала в доспехи Цезаря или Александра. Простая же истина, скрытая за всем этим ораторским пышноречием, такова: доблестный Питер Стёйвесант вдруг обнаружил необходимость надраить свой заржавевший клинок, слишком долго ржавевший в ножнах, и приготовиться к тем суровым военным трудам, коим так радовалась его могучая душа.

Мне мнится, будто я в сей самый миг вижу его в своём воображении; или, вернее, я вижу его превосходный портрет, донныне висящий в фамильном особняке Стёйвесантов, облачённого во все ужасы истинного голландского генерала. Его мундирный кафтан немецкой синевы, пышно украшенный изрядным множеством крупных медных пуговиц от самого пояса до подбородка; объёмистые полы, подвёрнутые по углам и галантно распахивающиеся сзади, дабы явить взору седалище пышных серных плисовых штанов, — изящный стиль, до сих пор бытующий среди воителей наших дней и вполне согласный с обычаем древних героев, презиравших защищать себя с тыла. Лицо его, сделанное чрезвычай-

но грозным и воинственным парой чёрных усов; волосы, топорщащиеся по обеим сторонам застывшими от помады буклями и ниспадающие крысиным хвостом косицы ниже пояса; блестящий чёрный кожаный галстук, поддерживающий подбородок, и маленькая, но грозная треуголка, лихо заломленная над левым глазом. Таков был рыцарственный облик Питера Твердоголового; а когда он вдруг останавливался и твёрдо утверждался на своей опоре, выставив чуть вперёд деревянную ногу, инкрустированную серебром, дабы укрепить свою позицию, правой рукой сжимая трость с золотым набалдашником, левой опираясь на эфес меча, лихо повернув голову вправо, с самым устрашающим и суровым хмурым видом на челе, — он являл собою одну из самых величайших, свирепых на вид и воинственных фигур, что когда-либо красовались на холсте.

В предыдущей главе мы говорили об основании форта Казимир и о беспощадной войне, что вёл его комендант против капусты, подсолнухов и тыкв за неимением лучшего случая обогреть свой меч. Так вот, случилось, что выше по Делаваэру, в своей крепости Тиннеконк, обитал некий Ян Принц, именовавший себя губернатором Новой Швеции. Если история не лжёт об этом грозном шведе, он был достойным соперником ветреного и надутого коменданта форта Казимир, ибо мастер Давид Питерзен де Врис в своей превосходной книге путешествий описывает его как весившего «свыше четырёхсот фунтов», великого едока и соразмерного ему

пьяницу, принимавшего за всякой трапезой по три доброй кружки разом. У него в Тиннеконке был гарнизон себе под стать — глушащие вино, пьющие до дна головорезы, оглашавшие дикие леса своими попойками.

Едва этот дюжий комендант прослышал о возведении форта Казимир, как немедля отправил Ван Поффенбургу послание, требуя очистить землю, находящуюся якобы в пределах его юрисдикции.

На это генерал Ван Поффенбург отвечал, что земля эта принадлежит их Высокомоощиям, будучи правильно куплена у туземцев как первооткрывателями от Маннахатов, в свидетельство чего указывались штаны их землемера, Тен Брука.

На это губернатор возразил, что земля эта прежде была продана индейцами шведам и, следовательно, находится под юбочным правлением её шведского величества Кристины; и горе всякому смертному в штанах, кто дерзнёт коснуться хотя бы края её священного одеяния.

Воздержусь от подробного изложения словесной войны, что вели меж собою эти ветреные коменданты; Ван Поффенбург, впрочем, служил при Вильгельме Вспыльчивом и был ветераном подобного рода войн. Губернатор Принц, обнаружив, что эти дальнобойные выстрелы не выкурят его с места, решил теперь перейти к более тесному соприкосновению. Соответственно он спустился по реке с великой силой и великим шумом и возвёл соперничающую крепость ровно в одной шведской миле ниже форта Казимир, дав ей имя

Хельсенбург.

И вот началось грозное соперничество между этими двумя доблестными комендантами, старавшимися перещеголять и перенадуть друг друга, точно пара воинственных индюков. Соперничали, у кого выше флагшток и шире флаг, целыми днями в обеих крепостях яростно грохотали барабаны и звенели трубы, а та, что имела ветер в свою пользу, беспрестанно палила из пушек, дразня противника запахом пороха.

Во всех этих вопросах ветреной войны противники были вполне равны; но случилось так, что шведская крепость стояла ниже по реке, и все голландские суда, направлявшиеся к форту Казимир с припасами, должны были проходить мимо неё. Губернатор Принц немедленно воспользовался этим обстоятельством и принуждал их спускать флаг, проходя под пушками его батареи.

Это был смертельный удар по голландской гордости генерала Ван Поффенбурга, и он немало распалялся, когда со стен форта Казимир видел, как флаг их Высокомоций приспускается перед соперничающей крепостью. Дабы усугубить его досаду, губернатор Принц, будучи, как уже показано, чудовищным едоком, взял себе за правило первым досматривать всякий голландский торговый корабль и обеспечивать себе и своему пьянствующему гарнизону все круглые голландские сырки, всю голландскую сельдь, имбирные пряники, лакомства, диковинные каменные кувшины джина

и все прочие голландские улады, направлявшиеся на утешение форту Казимир. Возможно, он и уплачивал голландским шкиперам полную цену их товаров, но какое было в том утешение Якобусу Ван Поффенбургу и его гарнизону, обнаруживавшим, что их излюбленные припасы перехватываются и перенаправляются в кладовые враждебного стана? Некоторое время эта война за буфет велась к вящему торжеству и веселью шведов, тогда как у воителей форта Казимир сердца, а вернее желудки, день ото дня падали духом. Наконец наступили летние жары и летние ливни, и вот — извольте видеть! — свершилось великое чудо во спасение нидерландцев, немало напоминавшее одну из казней египетских: ибо случилось так, что из болотистых берегов реки поднялась огромная туча комаров и опустилась на крепость Хельсенбург, привлечённая, без сомнения, запахом свежей крови шведских обжор. Более того, говорят, будто одного лишь тела Яна Принца, столь же огромного и полного крови, как у призового быка, было довольно, чтобы притянуть комаров со всей округи. Некоторое время гарнизон пытался держаться, но всё было тщетно; комары проникали в каждую щель и трещину и не давали покоя ни днём ни ночью; что до самого губернатора Яна Принца, он передвигался словно в облаке, с комариной музыкой в ушах и комариными укусами до самого кончика носа. В конце концов гарнизон был попросту выкурен из крепости и вынужден отступить в Тиннеконк; более того, говорят, что комары преследовали Яна Принца даже

туда и попросту выгнали его из страны; достоверно то, что вскоре после этого он отплыл в Швецию, а на его место губернатором Новой Швеции был послан Ян Клаудиус Ризинг.

Такова была прославленная комариная война на Делавэре, героем коей охотно стал бы генерал Ван Поффенбург; но благочестивый народ Новых Нидерландов неизменно приписывал разгром шведов чудесному заступничеству святого Николая. Что до самой крепости Хельсенбург, она обратилась в руины, но память о её странной гибели увековечило шведское имя Мюгген-борг, то есть Комариный замок.

ГЛАВА II

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.